

Глава 1

9 апреля 1891 года

Высокая, стройная девушка с золотыми волосами не отрывала беспокойного взгляда зеленых глаз от закрытой двери в левом конце холла. Вот она тихо вздохнула. Услышав вздох, ее стоящая у окна младшая кузина Лорен повернулась к ней:

— Ради всего святого, Коринн, зачем так нервничать? — Лорен Эшборн вновь обратилась к окну и, склонив набок темную головку, принялась разглядывать холодную, серую улицу. Бостон казался пустым и брошенным, шеренги старых деревьев клонились под напором немилосердного ветра, который прокладывал себе путь по Бикон-стрит мимо их дома.

Даже в апреле Бостон был совсем не приятным местом для жизни. Здесь месяцами дули холодные, свирепые ветры, поэтому кузинам приходилось большую часть времени проводить дома, не показываясь на улице. От этого Коринн выходила из себя, и даже Лорин с ее ангельским характером становилась мрачнее тучи.

— Такое впечатление, что в этом году весна не наступит вообще, — вздохнула Лорен, коснувшись пальцем ярко-алой шторы.

Коринн подняла голову и нахмурилась. Взгляд ее чудесных изумрудных глаз был мрачен.

— Как ты можешь щебетать о весне в такой момент? — отрывисто спросила она. Ее глаза метнулись к закрытой двери, а потом вновь вернулись к кузине.

Проследив ее взгляд, Лорен пожала плечами:

— Мне казалось, что ты уже привыкла. За последний год тебе дважды пришлось это пережить.

Коринн не выдержала.

— Я и не рассчитывала на твое понимание! — с горечью произнесла она. — У тебя впереди еще несколько лет, прежде чем начнут заявляться поклонники, чтобы поговорить с твоим отцом. Вот тогда и посмотрим, насколько тебе будет приятно сидеть и ждать, пока мужчины решают твое будущее. И твоего мнения никто не спросит.

Карие глаза Лорен наполнились слезами:

— Я все очень хорошо понимаю, Кори. Мне уже шестнадцать, лишь на три года меньше, чем тебе.

Коринн тут же пожалела о своей несдержанности. Она всегда извинялась за резкие слова:

— Извини, кузина. Это от нервозности. Рассел — действительно моя последняя надежда.

— Почему ты так говоришь, Кори? За последние три года вокруг тебя были толпы поклонников, самые красивые и богатые мужчины Бостона. Разве тебе невдомек, какая ты красавица? Если дядя Сэмьюэл откажет Расселу, у тебя есть еще много других. Выбор большой.

— Нет, это не так. С Расселом никто не сравнится.

Лорен понимающе улыбнулась:

— Ты хочешь сказать, что существует мало мужчин, которых ты можешь обвести вокруг пальца, как Рассела. Или как Чарлза и Уильяма до этого.

— Вот именно. Другие на это не согласятся.

— Рассел Дрейтон не такой застенчивый, как те двое. Я очень удивилась, что ты выбрала его. Но он, как кажется, полностью отвечает твоим желаниям.

— Между мной и Расселом есть взаимопонимание. Он будет совершенно правильно себя вести.

— Думаю, удачно то, что ты не влюблена в него. Если на худой конец твой отец откажет ему, сердца это тебе не разобьет.

— Мое сердце никогда не разобьется, — засмеялась Коринн. — Но Рассел будет сражаться до последнего, чтобы показать, какой он храбрец. Прямо сейчас он наверняка разыгрывает там целое представление. — Кивнув в сторону закрытой двери, она нахмурилась. — Переговоры не могут длиться так долго.

— Почему бы нам не подождать в гостиной? — предложила Лорен. — Здесь так сквозит.

— Делай что хочешь. Я не смогу усидеть на месте. И мне нужно увидеть Рассела в ту же секунду, как он появится в дверях.

Коринн дернула за звонок рядом с дверью в гостиную. Вскоре на зов из глубины дома явился дворецкий.

— Брок, мисс Эшборн выпьет чаю в гостиной.

— Слушаю, мисс Барроуз, — откликнулся суровый Брок. — А мистер Дрейтон? Он останется на ужин после встречи, мисс?

Коринн застыла. Ее бесила осведомленность слуг обо всем, что происходит в доме. Она ведь только накануне решила, что, учитывая хорошее отцовское настроение — а подобное в последнее время было нечастым явлением, — именно сегодня самый удачный день для предложения Рассела.

— Я дам вам знать, Брок, — сухо проговорила она, отпуская его.

В этот момент громко стукнул молоток на входной двери, заставив вздрогнуть всех троих. Брок уже собирался открыть, но Коринн остановила его, радуясь возможности отвлечься хотя бы на такую мелочь. Она сама распахнула входную дверь и вздрогнула от налетевшего порыва холодного ветра. Голубое муслиновое платье плотно облепило тело.

На нее остро глянули светло-зеленые глаза незнакомца. Мужчина был невысок ростом и худ, кроме того, у него были огненно-рыжие волосы и длинные

бакенбарды, торчащие из-под котелка, который ему хватило ума не снимать. Учитывая его вытянутый нос и тесно пригнанное пальто из коричневого твида, он напомнил девушке маленького любопытного хорька.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — осведомилась Коринн.

Нэд Догерти с одного взгляда оценил стоявшую перед ним прелестную златовласую девушку — привычка, появившаяся у него благодаря его профессии. Он отметил про себя темное золото ее волос, слегка выгнутые брови, большие ясные глаза, зеленые с золотистыми искорками и идеально посаженные по отношению к немного вздернутому носику. Тень от длинных ресниц падала на высокие скулы. Рот не был чересчур велик. Чистая, гладкая кожа в сочетании с мягко очерченным подбородком делала ее лицо по-настоящему очаровательным.

— Так я могу вам чем-нибудь помочь? — немного нетерпеливо повторила Коринн.

Нэд откашлялся. Лицо девушки он теперь никогда не забудет. Разве кто-нибудь смог бы не обратить внимания на эти искрящиеся золотом волосы с красноватым отливом?!

— Здесь проживает Сэмьюэл Барроуз?

— Да.

Острые зеленые глазки Нэда продолжали осмотр, он отметил стройную шею и высокую грудь. Платье подчеркивало узкую талию, и он мог предположить, что бедра у девушки тоже стройные, а ноги длинные. Ростом она была приблизительно в пять футов семь дюймов, то есть довольно высокой для девушки.

— Сэр, если вы сейчас же не объясните, в чем дело, я пожелаю вам всего доброго. — Коринн начала раздражаться.

— Простите меня, мисс. Я разыскиваю Сэмьюэла

6 Барроуза, который много лет назад посетил группу

островов в Тихом океане, когда-то называвшихся Сандвичевыми, а позже переименованных в Гавайские.

— Должно быть, вы перепутали его с кем-то другим.

— Вы уверены, мисс? Это было давно, девятнадцать лет назад. В то время вы еще не могли работать на мистера Барроуза, и потому...

— Прошу прощения, — высокомерно оборвала его Коринн. — Мистер Барроуз мой отец.

— Извините меня еще раз, мисс Барроуз, — смутилась Нэд. Красота девушки взволновала его. — Я только подумал...

— Я поняла, что вы подумали. А теперь — доброго вам дня.

Когда она начала закрывать дверь, Нэд Догерти вскинул вверх руку.

— Вы уверены, что абсолютно все знаете о поездках своего отца?

— Да, все! — отрезала Коринн и в сердцах захлопнула дверь. Но потом у нее возникло какое-то смутное воспоминание, и она снова быстро ее открыла.

— Подождите! — крикнула она маленькому человечку, уже удаляющемуся от дома, и заискивающе улыбнулась. — Теперь я должна попросить у вас прощения, сэр. Мой отец был на Гавайских островах. Он рассказывал мне об этом, когда я была еще ребенком. Боюсь, я просто забыла.

Глаза у Нэда Догерти загорелись:

— Это было девятнадцать лет назад?

— Именно, — подтвердила Коринн. — Он был там как раз, когда я родилась. Вы хотите увидеться с ним?

— Нет, благодарю вас, мисс Барроуз. Доброго вам дня.

— Подождите, я не понимаю, — окликнула она его, но человечек уже торопливо удалялся по улице. — Да чтоб тебя! — выругалась Коринн. — Что за грубиян!

Она крепко заперла дверь, спасаясь от вечернего холода. Потом, вздохнув, обернулась и оглядела

пустой холл. Многочисленные диваны и обитые тканями скамьи под окнами, огромную люстру, которую зажигали, только когда собирали гостей, зеркала, картины, которые, как ей рассказывали, прибыли сюда из Англии вместе с ее предками, — все эти сокровища. Только для чего они? Отец держал кошелек крепко завязанным.

Сытая ожиданием по горло, Коринн бросила взгляд на закрытую дверь. Тут она неожиданно распахнулась, и на пороге показался разгоряченный Рассел. Увидев, в каком он гневе, Коринн невольно произнесла:

— Он сказал нет?

— Он сказал нет, — подтвердил Рассел, едва сдерживаясь. — Он сказал *абсолютно* нет!

Коринн схватила его за руку:

— Не понимаю. Ты говорил с ним так, как я тебе сказала?

— Да, так.

— И настаивал на своем?

— Да, Коринн. Да!

— Тогда почему? — с мольбой спросила она, не понимая, в чем дело.

— Он сказал, что видит меня насквозь, — уныло ответил Рассел. — Если бы он только знал!

— Знал что? Ты о чем?

— Не важно, Коринн. Он наблюдал за нами несколько месяцев. И ничто не разуверило его в том, что я бесхребетный глупец, в чем он меня и обвинил.

— Рассел!

— Не хочу сейчас об этом говорить. Увидимся позже в клубе.

Не сказав больше ни слова, он покинул дом. Коринн, как громом пораженная, осталась стоять посреди холла. Ей искренне нравился Рассел. Он был, безусловно, самым красивым из ее знакомых мужчин, даже несмотря на некоторую свою subtilность. Правда, он но-

сил бороду, которая раздражала ее чувствительную кожу. Но Рассел был мягок и уступчив, с готовностью исполнял любое ее желание. И они так подходили друг другу! Рассел был довольно высоким, рядом с ним ее собственный необычный рост не так бросался в глаза. А еще у них было много общего. В частности, он разделял страсть Коринн к картам. И хотя она многого о нем не знала, Рассел должен был быть богат, иначе как можно просиживать за игрой ночи напролет. А если у него есть деньги, то ей можно не беспокоиться насчет того, что он наложит лапу на средства, которые она унаследует после замужества.

Это было нечестно! В последний год из любящего и все понимающего мужчины, которого она обожала, ее отец превратился в упрямого тирана. Он противодействовал каждому ее шагу.

Коринн, которая никогда не отличалась кротким нравом, сейчас закипела от гнева. Она влетела в кабинет отца и остановилась по другую сторону письменного стола.

— Чего ты добиваешься от меня? — почти прокричала она, не обращая внимания на то, что ее могут услышать.

— Подожди, Кори, милая, — примирительно начал Сэмьюэл Барроуз. — Я понимаю, ты расстроена, но для этого нет причины.

— Нет причины? — возмутилась Коринн. — Нет причины! — Она принялась ходить из стороны в сторону перед письменным столом. — Когда ты отверг Уильяма, я подумала, что у тебя для этого есть веские основания. Потом, когда ты отказал Чарлзу, мне показалось, что это было проявлением осторожности. В конце концов, Чарлз был всего-навсего вице-президентом банка, и хотя его семья родовита и при деньгах, в этом они не сравнятся с нашей семьей или с состоянием, которое унаследую я. — Она снова повернулась к отцу лицом. — Но что могло заставить тебя сказать «нет» Расселу?

— Этот мужчина не для тебя, Кори.

— Как ты можешь так говорить? Это мужчина, за которого я *хочу* выйти! Ты сам научил меня поступать так, как мне хочется!

— Мне нужно было научить тебя быть более рассудительной, — возразил Сэмьюэл, опуская светло-карие глаза. — Я дал тебе слишком много свободы. Рядом с тобой должен быть сильный мужчина, который сможет тебя контролировать.

Ее изумрудные глаза сверкнули:

— Но мне не нужен сильный мужчина. Я всю жизнь жила рядом с таким мужчиной — с тобой! Наши постоянные сражения очень меня стимулировали, но оставшуюся жизнь я хочу прожить в мире и спокойствии.

— Ты хочешь сказать, что собираешься поступать по-своему, не считаясь ни с чем?

— Я хочу сама контролировать свою жизнь. По-твоему, мои запросы слишком высоки? — требовательно спросила Коринн.

Сэмьюэл встретил ее холодный взгляд:

— Девочка моя, в прошлом году ты с успехом доказала, что пока тебе не хватает на это ума.

Коринн хотела возразить, но неожиданно вспомнила слова Рассела о том, что отец следил за ними. Значит, ему известно о ее страсти к картам. А она приложила столько усилий, чтобы оставить это все в секрете от него, чтобы он не догадался, куда уходят солидные деньги, ежемесячно выдаваемые ей на карманные расходы.

— Сознаюсь, что не всегда поступала разумно, но со временем все изменится к лучшему, — неохотно выдавила Коринн.

— Я могу только молиться, чтобы это произошло в течение двух следующих лет, — ответил Сэмьюэл.

Ею снова овладел гнев:

— Ты собираешься все это время держать меня при себе? То есть до тех пор я не смогу выйти замуж?

— Да, черт побери! — Сэмьюэл наконец потерял терпение. — Я пытаюсь спасти тебя от тебя самой. Тебе так хочется начать самостоятельно распоряжаться своими деньгами, что совершенно все равно, за кого выйти замуж. Ради бога, Кори, неужели ты не можешь потерпеть еще пару лет? Тогда ты получишь деньги своей бабки и сможешь выйти замуж без моего согласия.

— Но тогда мне и не нужно будет выходить замуж! — выкрикнула она и вылетела из кабинета.

Откинувшись на велюровую спинку кресла, Сэмьюэл Барроуз вздохнул. Никому в голову бы не пришло сказать, что эта девчонка с горячей головой не его дочь. Упрямая, решительная, нетерпеливая и вспылчивая, она была так похожа на него! Хорошо хоть, что Даньелл Стейтон специально оговорила это условие: ее внучка не может выйти замуж без согласия отца до достижения двадцати одного года. Даньелл знала, что такое импульсивность молодости. Ей казалось, что к двадцати одному Коринн повзрослеет достаточно, чтобы самой принимать решения. Сэмьюэлу даже стало интересно, так ли это.

Приходилось признать, что это была его собственная ошибка. Своему единственному ребенку он дал слишком много независимости, причем в чересчур раннем возрасте. Он предоставил ей много свободы для того, чтобы она могла развиваться, и ничего не запрещал только потому, что она была девочкой. Родня неоднократно предупреждала его, что он еще очень пожалеет о своем решении, и теперь этот момент настал.

Самое лучшее, что он мог сейчас сделать для дочери, — это самому подыскать ей мужа, пока она остается под его контролем. И убедиться, что дочь вышла за сильного человека, а не за бесхребетного болвана, который позволит ей продолжать безумствовать. Но где найти такого, чья сила воли одолеет Коринн? И главное — найти его за оставшиеся два года.

Глава 2

На другом конце света в Индийском океане лежит группа островов, которую не так давно переименовали в Гавайи. Фантастическая красота этих островов — по мнению некоторых историков, именно так выглядели сады Эдема — создавала у прибывавших сюда ощущение того, что здесь можно жить тихой, спокойной, беззаботной и полной довольства жизнью. После открытия островов капитаном Куком* многие посетившие их остались здесь на постоянное жительство, не в силах променять яркость красок нового мира с его редкими растениями и птицами, с потрясающими видами на свою куда менее приветливую родину.

Из-за наплыва иностранных переселенцев обстановку на Гавайях в 1891 году нельзя было назвать мирной. Местные жители совсем недавно потеряли своего обожаемого короля, которого часто величали Веселым Монархом. Теперь правила его сестра из нового дворца Иолани в Гонолулу. Дворец — кстати, первая королевская резиденция в мире, в которой имелись туалеты со смывными унитазами и которая была полностью обеспечена электричеством — очень скоро стал ареной столкновений между верными монархистами и иностранными поселенцами. В апреле 1891 года только благодаря доброму нраву коренного населения Гавайев удавалось сохранять мир на самом крупном острове архипелага Оаху.

Двадцатисемилетний Джаред Буркетт родился на Оаху. В нем текла смешанная кровь европейцев и гавайцев. И хотя гавайские друзья доверяли ему и любили его, а друзья из Европы уважали его чувство гордости за Га-

* Кук, Джеймс (1728—1779) — знаменитый английский путешественник и исследователь. Совершил ряд географических открытий, в том числе островов Гавайского архипелага. —

вайи, нельзя было сказать, что Джаред обладал покладистым нравом, который должен был унаследовать от своих гавайских предков. Характер у него был не из легких. Единственной слабостью Джареда была его младшая сестра Малия.

Тридцать один год назад его отец Родни вместе со своим братом Эдмондом потратили три года на то, чтобы построить для себя городской дом на Оаху — острове с наибольшим числом иностранных поселенцев и самой оживленной торговлей. Закончив постройку дома, Родни решил жениться. Его женитьба стала причиной постоянных стычек между братьями, потому что Эдмонд принял Ранелле в штыки. Несмотря на то что она была американкой и воспитывалась в американских традициях, у нее тоже имелись гавайские предки. Эдмонд считал, что его брат женился на цветной. Даже ежедневное общение с гавайцами не смогло заставить его поменять свое отношение к ней.

Эдмонд Буркетт отказался от своих прав на новый дом, который помогал строить, и переехал в город поближе к офису основанной братьями кредитной компании. Из-за обоюдных претензий Родни передал управление компанией Эдмонду, а сам сосредоточился на других интересах, главным образом на земле.

Иностранцам по большей части не разрешалось приобретать землю где-либо на Гавайях. Но благодаря Ранелле и ее дальним гавайским родственникам Родни сумел купить участок на северном побережье Оаху. Здесь он заложил небольшую плантацию сахарного тростника, не сравнимую по размерам с наделами крупных плантаторов, но достаточную для того, чтобы влиться в главную хозяйственную отрасль на островах.

Прибыль от плантации и от кредитной компании Родни вложил в деревообрабатывающий бизнес. Для начала он занялся ремонтом кораблей, а потом доба-

вил к этому строительство домов. Ему удалось сколотить небольшое состояние. Однако он потерял его в 1872 году, когда случился кризис. Плантация приносила одни убытки и вскоре была заброшена. В эти безрадостные годы деньги продолжали поступать лишь от кредитной компании.

Брак Родни рухнул. Безнадежная меланхолия, овладевшая его женой, сказывалась на его делах. После смерти Ранелле ему потребовалось много времени на то, чтобы прийти в себя и вновь поставить бизнес на ноги.

Когда Родни Буркетт погиб во время кораблекрушения, оставив все капиталы двум своим детям, его состояние было уже довольно солидным.

Теперь его единственный сын Джаред занимал особняк на Беретания-стрит. Этот район стал частью Гонолулу — города, возникшего каких-нибудь два года назад. Сестра Малия, которая была младше Джареда на десять лет, большую часть года жила в их доме на северном побережье острова, там, где когда-то располагалась сахарная плантация.

Джаред Буркетт доказал всем и каждому, что он способен занять место своего отца. Родни Буркетт вырастил сына, которым мог гордиться. Джаред никогда не пасовал перед трудностями — не важно, насколько серьезными они были. Общество уважало Джареда и немного боялось его. Он никогда не уклонялся от схватки. Общаясь с американцами, Джаред вставал горой за гавайское наследие, потому что чтил свои корни. А гавайцам нужно было еще заслужить честь называть его своим другом.

После смерти матери он стал нелюдим и угрюм. Это было ожидаемо, но со временем, увы, не прошло. Горечь все больше овладевала Джаредом, превращаясь в мизантропию. Ненависть к людям пожирала его изнутри в течение шестнадцати лет, и родилась она в тот день, когда не стало его матери.

Сегодня, много лет спустя после ее смерти, Джареду вдруг пришло в голову, что пора раз и навсег-

да очиститься от этой ненависти. Такое решение возникло у него после прочтения письма.

По дороге в офис своего дяди, располагавшийся в «Сберегательной и кредитной компании», Джаред перечитал это письмо, как ему показалось, в десятый раз:

«Дорогой мистер Буркетт,

Мне доставляет величайшее удовольствие сообщить Вам хорошие новости вскоре после получения Вашего письма. Вы наняли меня, чтобы я нашел Сэмьюэла Барроуза, который девятнадцать лет назад посетил Ваш отдаленный остров. Я это сделал.

В соответствии с Вашими инструкциями, я начал поиски со своего родного города Бостона и без труда отыскал этого человека, так как он оказался весьма уважаемым и видным членом бостонского общества. Он проживает на Бикон-стрит, в элитном жилом районе Бэк-бей. Его состояние возникло из многих источников. Однако главные интересы сосредоточены в судостроительной компании, одной из самых крупных в штате Массачусетс.

У меня нет никаких сомнений, что это тот самый Сэмьюэл Барроуз, которого вы хотели разыскать. Если я смогу каким-то образом послужить вам в дальнейшем, с радостью это сделаю.

Всегда к вашим услугам,

Нэд Догерти»

Джаред сунул письмо в карман своего белого тропического сюртука, как раз когда карета остановилась на Форт-стрит. Он поднял голову и оглядел старое двухэтажное здание розового цвета, которое давно нуждалось в покраске. Но оно выглядело ничуть не хуже других зданий, выстроившихся вдоль улицы этого старого района города.

Контора Эдмонда Буркетта находилась на втором этаже, и Джаред начал медленно поднимать-